

Andrea Calò

СФЕРА ВНЕ ВРЕМЕНИ

Andrea Calo'

Сфера Вне Времени

«Tektime S.r.l.s.»

Calo' A.

Сфера Вне Времени / А. Calo' — «Tektime S.r.l.s.»,

«Когда ты меня увидишь мёртвым от любви к тебе, о моя женщина, и губы мои будут приоткрыты и тело моё будет опустошено без души... тогда придёшь ты ко мне, поражённая болью и муками совести и скажешь нежным и мягким голосом: я та, которая его убила и в раскаянии вернулась...» Два тела и одна душа. Возвращение к жизни спустя полторы сотни лет после первой встречи уничтожает все границы, установленные временем. Новая жизнь или только искупление. Как бы то ни было, новая любовь расцветает в обновлённой форме из давно исчезнувшего прошлого. «Когда ты меня увидишь мёртвым от любви к тебе, о моя женщина, и губы мои будут приоткрыты и тело моё будет опустошено без души... тогда придёшь ты ко мне, поражённая болью и муками совести и скажешь нежным и мягким голосом: я та, которая его убила и в раскаянии вернулась...» Два тела и одна душа. Возвращение к жизни спустя полторы сотни лет после первой встречи уничтожает все границы, установленные временем. Новая жизнь или только искупление. Как бы то ни было, новая любовь расцветает в обновлённой форме из давно исчезнувшего прошлого. «Сфера вне времени» - это роман, наполненный эмоциями, различными образами и неожиданными поворотами событий, которые будут удерживать интерес читателя до последней страницы.

© Calo' A.

© Tektime S.r.l.s.

Содержание

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андреа Кало' **Сфера вне времени**

Андреа Кало'

СФЕРА ВНЕ ВРЕМЕНИ

Роман

Перевод: Alexandra Lachkova – Ditta individuale

© 2020 – Андреа Кало'

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Писать книгу – это как отправиться в путешествие. Собираются чемоданы, и происходит отправление от исходной точки до пункта прибытия, до желанной цели. Но иногда, как происходит и в путешествии, непредвиденные обстоятельства, ошибки, страхи всегда готовы оказаться на нашем пути. Они готовы сбить нас с толку, замедлить, а то и вовсе заставить нас отказаться от задуманного. С помощью людей, которые всегда были рядом с нами и тех кого мы встретили на своем пути можно найти выход. Иногда с легкостью, а иногда и с невероятным усилием, но в любом случае никогда не задерживаясь на ошибках, поскольку так можно просто зря потратить силы. В ходе этого путешествия, рядом со мной было много разных людей. Все они подталкивали меня к цели, ободряли мое желание продолжать этот путь к воплощению сокровенной вот уже много лет мечте. Это позволило мне полностью открыться моему замыслу.

Благодарю мою жену Соню, которая больше всех всегда верила в меня, терпеливо читая со мной черновики в начальных стадиях создания романа. Наши плодотворные дискуссии помогли мне в создании сюжета данного романа.

Благодарю моих родителей, которые подарили мне жизнь, вырастили меня и выучили, позволив всем моим мечтам воплотиться в жизнь.

И, наконец, благодарю тебя, Елена, за то, что ты обучила моё сердце и направляла мой ум в течение этого пути. Во всем этом есть огромная часть тебя.

ГЛАВА 1

Я думаю, что такую историю как моя, ещё никто никогда не рассказывал. Может быть из-за страха осуждения со стороны людей, или из-за тонкого покрывало безумия которое её сопровождает. Меня зовут Катерина или просто Кэйт, мне говорят что я родилась 36 лет назад в Нью-Йорке, где и живу по сей день, от отца итальянца и матери англичанки. Таким образом во мне нет американской крови. Моя дата рождения указана в паспорте, рядом с моим изображением, написанна тушью на пожелтевшей за много времени фотографией, которую моя мать мне сделала, когда я была ещё ребёнком. Но, тем не менее, я уверена в том, что живу дольше, намного дольше. Может быть вдвое больше моего возраста, если считать если считать те годы, которые, как я думаю, прожила той женщиной, коей была в прошлой жизни. Я сохраняю ясные и чёткие воспоминания в своем сознании, как если бы речь шла о моей теперешней жизни, и я возвращаюсь к ним в моей голове, когда хочу или когда ощущаю в этом необходимость. Вы подумаете, что я просто несчастная сумасшедшая в приступе личностного кризиса, и, может быть, вы будете правы. Так думала и моя мать, когда я, будучи ребёнком, рассказывал ей истории о моих взрослых друзьях, с которыми я разговариваю и делилась ощущениями и опытом, присущими жизни взрослой женщины, а не ребёнка. Я рассказывала ей о людях, которые, как она считала, существовали только в детской голове. В первые годы моей жизни, она поощряла это моё состояние, мою двойную личность, связывая его с незрелостью и моим врождённым стремлением к игре. Она думала, что я играю и стараюсь интерпретировать роли персонажей, созданных моею фантазией. Эти персонажи обретали жизнь и форму через мои слова и через моё поведение. Она даже гордилась всем этим, поскольку в её глазах это делало меня уникальной. Также она была уверена, что со временем эта игра закончится так же как и началась, позволяя мне постепенно стать взрослой женщиной. Но этого не случилось, так как это не было игрой. Я очень хорошо знала людей, о которых говорила и которых описывала моей матери в мельчайших подробностях, которых я часто видела ночью во снах. Игра не может возбуждать столь сильные эмоции, игра не может оставлять столь глубокие раны в душе, как это случилось со мной. Моя мать показывала меня самым знаменитым врачам лечащим разум человека, щедро им платя за то, чтобы они подтверждали те мысли, которые она уже имела сама на этот счёт. А она чувствовала утешение от их заверений в том, что она права и в особенности в том, что они уверяли её в моем скором выздоровлении. «Это только вопрос времени» говорил ей очередной светило медицины. И она свято верила во всё это и не отказывала себе в слезах облегчения, которые наполняли её глаза каждый раз. Для всех я имела двойную личность. « Это только в этой жизни» думала я от раза к разу. Мне всегда было заказано делать что-либо, что позволило бы мне вновь пережить моё прошлое, даже самое далёкое, исчезнувшее много лет назад. Может быть из-за страха моей матери понять в один прекрасный день, что её сумасшедшая дочь всё-таки права, а не вовсе из-за её попыток защитить мой разум. Когда же я увидела мою мать на смертном одре, её лицо было спокойно в объятиях вечности, которая приняла её в свои объятия, я поняла, что и эту фазу я уже проходила, хоть и чувствовала себя абсолютно неспособной представить это или описать и поведать кому-то, кроме себя самой. Но я уже более не могла её опечалить, выражая свои мысли или желания раскрыть ту другую меня, что исчезла много времени тому назад.

Я была пленницей в этой вечности, пленницей прозрачной сферы. Тысячи других сфер из целлулоида летали по воздуху, скрывая в себе таких же людей, неловко двигающихся внутри. Вокруг, как стадо животных, масса людей предстаёт перед гигантскими сферами, они стараются зацепиться и, с умоляющим взглядом, шевелят губами и произносят слова, которые я не в состоянии понять. Расплывчатые, но осознанные воспоминания, они – как те сны, которые мы забываем, как только просыпаемся, но четко помним за секунду до того. Они касаются моего

ума, смущают его, я тоже в течение многих лет была там снаружи, но я не могу совместить время и изображение, и всё так и остается плавающей грёзой. Моя память – это пустота, которая иногда наполняется чёрным и белым изображением. Нет пространства даже для воспоминания в этой пустоте, когда я сознательно желаю его найти. Я стараюсь предупредить людей о тех ощущениях, которые я испытываю, для того, чтобы их отдалить, но мне кажется, что они меня не слышат и не видят. Я полностью изолирована. Те, кто снаружи, даже не видя меня, указывают в мою сторону странным образом. Одни из них гладят эти сферы, а другие упираются в них головой, следя за каждым движением, а ещё есть те, кто просто улыбается, не имея на то никакой видимой причины. Внутри меня живёт подозрение, что я люблюсь этим зрелищем, инсценированным воображаемыми существами: перенос моим сознанием в мою прошлую жизнь, а также в моё настоящее и будущее, то, что выскальзывает из прошлого забытого, но не неизвестного и направляется в неизвестное будущее. Я не знаю, что означают слова, которые я думаю, может быть это только атавические знания, оставшиеся в течение многих веков на уровне подсознания, но они, мне кажется, наилучшим образом отражают, что я чувствую.

Даже если я и не уверена в том, что снаружи может быть лучше, желание выйти всё равно растёт во мне, силой освобождая себе дорогу. Я устала от этого ощущения тёплоты и от этой тоскливой безопасности внутри сферы. Я начала искать трещину внутри этой моей тюрьмы, но мне ещё очень трудно её найти. Возвращение к древним видениям, почти что атавическим, но потому ещё более безопасным, мне помешало увидеть моё последнее потрясение. Моё последнее ощущение жизни, сторевшей в огне моего исчезновения, вознеслась над всем и всями, создавая новую сферу, из которой было воссоздано тело. Никто, тем не менее, не был в состоянии её увидеть. Все, включая меня саму, мы упустили свой шанс для того, чтобы понять. Вероятно мы никогда не поймём: всё новое приводит к неизвестности и к страху, тогда как воспоминания придают нам уверенность и спокойствие.

Что-то новое, как мне кажется, формируется в моей голове. Это – образы, смазанные и наслоившиеся один на другой, они подпитываются телом, которое меня переносит взад и вперед, а потом они меня покидают. Время и образы сами по себе не соединяются, и тогда все исчезает не начавшись. Я хочу выйти отсюда! Я бью кулаками, кричу и плачу. Но это ничему не приводит, никто меня не слышит, кроме моего собственного сознания. По всей видимости, сфера прозрачна только с моей стороны, а те, кто находится снаружи, кажется, могут видеть только мои движения. Они приближаются с любопытными взглядами, для того, чтобы понять, как это делала моя мать. Они смотрят замороженным взглядом на сферу, и кажется будто она может перенести их назад во времени вместе со мной. Они начинают опять говорить, слова, которые я не могу еще понять, но по их выражению, кажется, что они мне завидуют. Я снова начинаю искать выход. До сих пор искать было бесполезно, потому что должно было пройти время и завершиться осознание. Только сейчас, я чувствую приближение моего нового рождения и не могу пропустить такую важную встречу. Внешний свет проникает в небольшую щель, и она становится все больше и больше, уже становится понятно, что я выйду оттуда.

Вот уже давно как я начала понимать слова тех, кто снаружи, благодаря помощи и постоянному присутствию матери в моей жизни. «Мы должны войти для того, чтобы выйти с тобой» повторяют до бесконечности их умоляюще лица с выраженным тщетным ожиданием. Отблески прошлых и будущих жизней путают мои образы, мои ощущения прошлого, настоящего и будущего. Они тяжелым покрывалом давят на моё и на их существование. Я читаю в их умах детские страхи, преувеличенные годами и опытом. Они занимают большую часть их воспоминаний, тёмные уголки и пыльные чердаки проносятся в их мозгу, скрепляющие кожаные ремни, направляемые мозолистыми руками, лица, искаженные злобой и неизгладимое разочарование, находящееся в зрачках глаз, крики и угрозы, которые эхом отдаются в ушах. «Мы должны войти для того, чтобы выйти с тобой!» Материализация постоянной одержимости и самых абсурдных привычек, силою внушенных родителями, которых я не выбирала. Говорят, что они

хотят войти, чтобы выйти со мной, чтобы удалить муки страхов прошлого и его последствия даже без настоящего и будущего. Им необходимо быть внимательными, поскольку время теряет свою ценность и прошлое легко может перепутаться с будущим и занять его место.

Отверстие расширяется все больше и больше, я стараюсь выйти, я проталкиваюсь, я прилагаю усилия, давя своими узкими плечами, я падаю на голый и холодный пол. Потом я встаю и понимаю, что я такая как и была прежде. Ничто не изменилось и ничто не изменится. Внезапно, порыв резкий и отчаянный, и сотни людей двигаются к сфере, может быть проходя через то же отверстие, что тот час же закрылось, кто-то всё же смог войти. Мне эта сфера кажется прозрачной и снаружи, только люди, сгрудившиеся вокруг, мешают мне увидеть, что там внутри.

Но если один из них всё-таки смог войти, он пройдёт до конца и замкнёт этот цикл, только если превратит свою память в пустоту. В пустоте нет пространства, которое необходимо было бы заполнить. Я смотрю вокруг себя и знаю, даже не имея воспоминаний, что я уже была в этом мире. А даже скорее всего так: без воспоминаний, моё прошлое не сможет стать моим будущим. Просто потому, что я не помню. Я знаю только, что момент моей смерти совпал с формированием сферы. Начало моего возрождения. Жизнь и смерть путаются, прошлое и будущее накладываются одно на другое, и время больше не существует. Те, кто потерял надежду и те, кто не понял, что конец является ничем иным как начало, никогда не смогут понять того, кто перешел границы времени и воспоминаний, как это сделала я. Они останутся навсегда узниками своих собственных воспоминаний, собственной одержимости и собственной тоски.

Время потеряло свое значение, но оно же нас породит. На мгновение, я оглядываюсь назад и вижу, что остальные не следуют более за мной. Даже моя мать, как и все вернулась к своей сфере. Мы никогда более не увидимся. Может быть, нас даже и не видели такими, какими мы на самом деле являемся. Я собрала все остатки храбрости, которые у меня ещё остались, стряхнула с своего тела и с разума те запреты, которые были наложены извне в течение многих лет и поняла, что для меня наступил в момент, шаг за шагом, идти своей дорогой. Мне будет необходимо пересечь преграду, состоящую из неопределённого периода тьмы, которая находится между моими двумя жизнями, и, о которой, я не имела и по сей момент не имею никаких воспоминаний, никаких ярких образов. Когда я думаю о моем прошлом, я теряю контакт с моим настоящим. Я отчуждаюсь, и мой разум начинает путешествовать сопровождаемый моим телом...

Я живу в Джозефе, в штате Орегон, в деревянном доме, находящимся на берегу озера Валлова, прекрасная зеркальная водная гладь которого расположена у подножия гор. Дом находится на небольшом мысе, который возвышается над озером по всей его протяженности, как и другие немногие дома, находящиеся в этой зоне, где живут, в основном, крестьяне и пастухи. Гора Сакаджавеа хорошо видна из моего сада и из комнат, во всей своей внушительности и близне снегов, покрывающих её в течение всего холодного времени года. Мой дом довольно большой, может быть даже слишком большой, потому что единственный человек, который в нём живёт – это я. Внушительные размеры дома, даже чересчур большие, обозначают все то, что находится вокруг. Внешний фасад выкрашен в насыщено красный цвет, который прерывается белизной окон и создает контраст с крышей из эlegantный ардезии, слегка выгоревшей на солнце и отмеченной пучками зелёного мха, который растёт на более холодной влажной стороне. Дом хорошо виден даже издалека, в особенности тогда, когда краска ещё свежая и блестит, отражая лучи солнца. Внутри же, царит нейтральный цвет непокрашенного дерева, который я сознательно никогда не хотела менять, таков был мой выбор, несмотря на советы людей. Я живу изолированно, как отшельник

ГЛАВА 2

Город Портланд был покрыт снегом, которого много намело прошлой ночью. Я слышала об этом по телевизору, но недооценила проблему, посчитав, что она меня не касается. Через оконные стекла аэропорта были видны горы покрытого ледяной коркой снега, лежавшие вдоль взлетных полос. Этот снег был убран снегоуборочными машинами для того, чтобы дать возможность аэропорту работать в нормальном режиме, будучи таковой одним из немногих, внесенных в список наилучших аэропортов Соединенных Штатах Америки. Я задумалась будут ли дороги также хорошо вычищены, или же есть риск, что основные трассы будут покрыты льдом, который может серьезно помешать передвижению транспорта. Увидев свой чемодан на ленте, как только его выгрузили из багажного отсека самолета, я сразу же посмотрела на часы: было уже девять вечера, и это означало, что я опаздывала. Я ускорила шаг и отправилась к стойке информации, где нашла много других людей, которые, как и я, должны были куда-то ехать. Сотрудница аэропорта, толстая и скандальная женщина лет пятидесяти, говорила громким голосом, что междугородние автобусные линии были приостановлены из-за плохой погоды, а все особо дальние отменены или перенесены на завтрашнее утро. Произнося это, она быстро жестикулировала, изображая падающий снег и наличие льда на дорогах. Люди были раздражены, и многие мужчины, пытаясь продемонстрировать свою силу, стучали кулаками по стойке и обвиняли бедную женщину в некомпетентности. Конечно, она не вызвала особую симпатию, но была ни в чем не виновата. Как только толпа разошлась, я по приблизилась к стойке.

«Что вам?», воскликнула изнеможенно женщина. «Добрый вечер, я не собираюсь спрашивать у вас тоже самое, что спрашивали все остальные, я уже услышала ответ. Как я поняла, сегодня вечером никто никуда не поедет. Вы бы могли посоветовать, где я могу бы провести ночь, здесь, в аэропорту или в городе?».

Женщина расслабилась.

«Мне очень жаль, мэм, но, к сожалению, те немногие места, которые были доступны, сейчас уже все заняты. Как вы можете себе представить, в таких ситуациях они идут нарасхват. Вам стоит добраться до центра города, а там вы конечно же найдете гостиницу со свободными комнатами. Вы куда направляетесь?»

«В Валлову», ответила.

«Хорошо. Автобус в Валлову отправляется с пятой платформы, как раз вон оттуда, завтра в восемь утра. Ваш путь будет очень долгим, почти восемь часов».

«Семь с половиной», возразила я, показывая ей лист с маршрутом, который я просчитала на компьютере.

«Значит восемь часов», настаивала женщина, «даже если и будет возможно передвигаться, не думайте, что автобус сможет ехать на скорости или же не возникнет никаких препятствий. Лед не так легко тает и соль не творит чудес в таких ситуациях. Снега действительно много напало. Будьте здесь завтра утром, раньше восьми. Если вам нужно такси, то вы найдете его на выходе из терминала, справа. Приятного путешествия, мэм», подытожила она, одаривая меня натянутой улыбкой.

«Если вы позволите, мэм, я могу сопроводить вас до города», услышала я голос ясно прозвучавший у меня за плечами. Я обернулась и у себя за спиной увидела мужчину. Он был красив, брюнет с зелеными глазами и с аккуратной стрижкой густых волос, с редкими вкраплениями седины. У него не было бороды, но он гордо носил усы. Ему было около сорока лет, и судя по тому как он был одет, это был деловой человек, занимающий важную должность на предприятии, или что-нибудь в этом роде. Он нес наперевес на руке длинное пальто, а другой

рукой держал маленький чемодан на колесиках. Глядя мне в глаза с расстояния в один метр, он ждал от меня ответ или знак.

«Вы очень любезны. Но я вас не знаю, и, прошу прощения, я не принимаю предложения подвезти от незнакомцев. И, если позволите, я бы хотела уже пойти», ответила я резко повернувшись к стойке информации и делая вид, что ищу что-то у себя в сумке. Я чувствовала его присутствие за собой, может я должна была быть более любезна, но у меня это действительно не получалось. Я чувствовала себя очень неловко. Снова повернувшись, я посмотрела ему в глаза.

«Я повторяю, я вас не знаю. Не то, чтобы я вам не доверяла, но я действительно думаю, что это будет неуместно, покинуть вместе с вами этот терминал, простите», продолжила я, думая окончательно закрыть таким образом диалог с этим мужчиной, которого никогда прежде не видела. Хотя мне и было немного жаль, но я напомнила себе, что я поехала не в развлекательное путешествие.

«Ну если это сможет помочь, я представлюсь. Мое имя Джон. Джон Бил», сказал он, протягивая мне руку. Я была вынуждена ответить и открыто сказать кто я. Это последнее, чего бы мне хотелось делать в незнакомом городе или с чужим человеком.

«Катрин Фортуна», ответила я, не глядя ему в глаза и кладя кошелек в сумку.

«Фортуна? Это итальянская фамилия, если я не ошибаюсь», сказал он удивленно с выражением лица как у тупицы.

«Да, Фортуна – это итальянская фамилия», ответила я, давая понять, что раздосадована продолжением нашего диалога любой ценой, который считала исчерпанным уже в самом начале.

«Могу я предложить вас подвести, Катрин?» Он настаивал. И становился невыносимым. Тем не менее, мне было бы очень удобно, если бы меня подвезли в эту ледяную зимнюю ночь.

«Насколько это отсюда далеко?», спросила я становясь все грубее.

«Я бы сказал где-то полчаса, учитывая состояние дорог. Моя машина припаркована снаружи, пойдемте, следуйте за мной. И оденьтесь потеплее, снаружи очень холодно», ответил он надевая свое длинное пальто на элегантный серый пиджак, который, как я отметила, скрывал красный, аккуратно завязанный под воротником белой рубашки, галстук. Он взялся нести мой чемодан и потащил его за собой. Я последовала его совету и надела куртку ветровку, которую повязала вокруг талии прежде чем сойти с самолета. Перед глазами сопровождающего я должна была казаться бедной и непредусмотрительной провинциалкой. Он двигался решительно, его шаги были настолько длинны, что мне было трудно за ним успевать. Я чувствовала, что запыхалась и мое сердце начало биться быстрее, поэтому я резко остановилась.

«Послушайте Джон или как вас там. Вы что, решили пробежать марафон? Будем бежать? Если так, то предупредите меня и я хотя бы переодену обувь!» Он повернулся элегантно и точным движением шеи ко мне и улыбнулся.

«Вы правы Катрин, прошу прощения. Это моя непростительная привычка. Я всегда куда-то бегу. Пожалуйста, отдышитесь. Давайте подождем столько, сколько вам понадобится, а потом пойдем медленнее.

Он был без сомнения очень элегантным мужчиной. Я не хотела, чтобы он меня принял за избалованную девчонку и, поэтому просто сказала, что мы можем продолжать идти. В этот момент уже я ускорила шаг, оставив его за собой.

«Вы и сзади тоже очень красивы, знаете? Наверное многие мужчины вам об этом уже говорили!».

Мои щеки вспыхнули, я почувствовала, что у меня загорелись уши и я раздраженно воскликнула.

«Да что вы себе позволяете! Нет, ну вы послушайте! Вы меня увидели в первый раз жизни пять минут назад и уже позволяете себе выражать свое личное мнение по поводу моей

внешности. Кто вам позволил подобную фамильярность? Не смейте более вести себя так свободно по отношению ко мне, Джон Бил!». Я была разъярена как бык перед кроваво красной простыней, но, в глубине души, чувствовала себя польщенной из-за того, что кто-то оценил меня за мою внешность. Конечно же я никому бы не призналась, но мне нравилась дерзость этого мужчины.

«Очень хорошо мисс, вижу, что вы хорошо запомнили мое имя полностью! Теперь мы можем идти?».

«Да, пойдём. Пожалуй, так будет лучше!»

Холод, при выходе из терминала, был действительно жуткий. К счастью, воздух был не очень влажный, и, поэтому, температура была довольно приемлемой. Я ускорила шаг, чтобы успевать за мужчиной и тут же поскользнулась. Моя обувь была неподходящей, и асфальт тут и там был покрыт льдом.

«Пожалуйста, остановитесь здесь!». Джон повернулся, раздраженно вздыхая, но тут же понял причину моей просьбы.

«Что-то не так с обувью, я правильно понял? Прежде чем отправиться в поездку вы не смотрели сводку погоды? Всем было известно о снежной буре в Портланде. Да ну ладно, теперь уже бесполезно говорить об этом. У вас есть с собой более удобная обувь?».

«В чемодане, но чтобы ее достать мне придется вытащить всю одежду из чемодана посреди дороги, на это уйдет слишком много времени, чего я абсолютно не хочу. Я постараюсь быть внимательнее», уверила его я.

«В противном случае, я могу предложить нести вас на руках, если хотите. Что вы скажете об этом, Катрин?».

Но был дерзкий, но в тоже время любезный. Тем не менее, мое душевное состояние мне не позволяло выражать никаких положительных чувств.

«Может быть вы могли пойти забрать машину из парковки, а я вас здесь подожду с чемоданом. Что вы скажете об этом мистер Бил?»., ответила я ему столь же дерзко.

«Я скоро приду. Тем временем постарайтесь не простудиться, иначе ваше путешествие в Валлове вы проведете в постели с температурой». Он зашагал к машине не оборачиваясь, проходя мимо рядов машин и пикапов, припаркованных на огромной стоянке. Я подумала, что, может быть, поступаю неправильно: у меня было мало опыта с мужчинами, да и то, что было заканчивалось плохо. Они заставляли меня страдать, никто не смог принять меня такой, какая я есть. Я проследила взглядом за Джоном, до тех пор, пока не потеряла его из вида и этот самый момент испугалась, что больше его не увижу. Может быть Джон был только видением из моей рошлой жизни и потому не был реальным? Приняла ли я предложение подвезти от призрака? Я похолодела от этой мысли. Вокруг меня, люди входили или выходили в терминал аэропорта, разговаривая и улыбаясь. Некоторые из них оживленно спорили между собой, они, по крайней мере не были одинокими и оставленные на самих себя, какой чувствовала себя я. Я хорошо застегнула куртку и обмотала вокруг шеи шарф, который ранее положила в сумку. Конечно же я не была непредусмотрительной. Потом – никого. Свет фонаря, который был прямо напротив меня, отражался в снегу, заставляя его сверкать как алмазная пыль. Я вспомнила как, будучи ребенком, мне нравились блестящие вещи и, я говорила матери, что когда вырасту у меня будет много украшений. «Конечно у тебя их будет много», всегда отвечала она, глядя мои длинные черные волосы.

В глубине улицы я увидела фары приближающегося автомобиля, которые сначала казались близкими друг к другу, а потом все больше и больше отдалялись. Это был пикап, и за его рулем был Джон. Ты даже не представляешь, как я рада вновь увидеть тебя сейчас, подумала я пока Джон выходил из машины, чтобы погрузить мой чемодан. Я только сейчас заметила, настолько была погружена в свои мысли, что вместе с моим чемоданом, он оставил и свой. Он доверял мне больше, чем я ему. Я хотела поблагодарить его, но мои губы были будто скле-

енными между собой, не позволяя мне поддаться этому порыву. Пока Джон укладывал наш багаж, я села в машину.

«Такая температура вас устраивает, Катрин?»

«Да, я люблю тепло, не беспокойтесь», смогла выговорить я, вновь не поблагодарив. Почему же мне было так трудно это сделать? Что со мной не так?

«Тогда здешние места не для вас, разве что в определенное время года», воскликнул он улыбнувшись, «здесь весьма холодно. Поехали?». Я согласилась лишь кивком головы.

Он включил мотор машины и мы начали медленно продвигаться к выходу из аэропорта, не разговаривая. Несмотря на то, что Джон был очень любезен со мной, он смотрел на меня и улыбался, у меня не получалось ответить ему взаимностью.

ГЛАВА 3

Ноты песни «Strangers in the night» Фрэнка Синатры смягчали пустоту тишины, оставленной нашими голосами. На каждом перекрестке у светофора, Джон смотрел на меня и, казалось, хотел меня о чем-то спросить. Я боялась, что он задаст мне такой вопрос, на который мне будет трудно ответить. Мое асоциальное и невежливое по отношению к нему поведение, которое неким образом было моей защитой то того момента, не продлилось долго.

«Что привело вас сюда, Катрин?», спросил он, обращая свой взгляд на дорогу. Поскольку мне не надо было обмениваться с ним взглядом, и, сам вопрос был не очень компрометирующим, я подумала, что могу и ответить уклончиво, и он бы не обратил на это внимание. Я ошибалась.

«Захотела сменить обстановку, посетить места, где еще никогда не была в жизни. Мои друзья в Нью Йорке советовали сюда съездить».

«Я не думаю, что это только из-за этого, если позволите», ответил он. Было очевидно, что я не смогла его убедить. В конце концов я никогда не обладала талантом актрисы и лгать тоже не умела. Как всегда я была неготова отказаться от своей упрямости, являющейся моей единственно верной характеристикой.

«А вы что можете об этом знать? Что, женщина не может в какой-то момент решить запереть дом и отправиться в путешествие? Вы думаете, что так хорошо меня знаете? Вы, в конце концов, ничего обо мне не знаете, вы так не думаете, Бил?»

«Я просто говорю, что не все так просто. Вы – беспокойная женщина в этот момент, явно боитесь чего-то, и, судя по вам, ищите что-то, что боитесь не найти. А может быть вы, напротив, как раз боитесь найти то, что ищете. Женщина, которая бежит от чего-то или к чему-то. Именно так, вы производите впечатление женщины, которая бежит от чего-то со всех ног. Как бы то ни было, я прошу прощения, это меня не касается, у вас есть свои личные причины, извините меня».

Мы опять погрузились в тишину, в неловкое молчание. Меня раздражало, что Джон уважал меня, мои мысли и мои тайны. Я подумала, что если узнаю его получше, со мной не случится ничего дурного. Может быть у меня даже получится его поблагодарить в конце пути.

«А вы как здесь оказались, Джон? Вы живете в Портланде?». В тот же момент я подумала, что из-за моего поведения, он мог обидеться на такой вопрос. Почему это я могла его спрашивать, а он меня не мог? «Конечно же будьте вольны отвечать или нет, если сочтете это уместным». Джон посмотрел на меня и его улыбка попала в цель.

«А почему я должен вести себя так как вы, Катрин?» И рассмеялся, глядя как я стараюсь наклонить голову, чтобы защититься от его взгляда. Я вела себя как маленькая девочка, которую только что отругали.

«В Портланде еще живет моя мать. Мы переехали сюда сразу после смерти моего отца, раньше мы жили в Джозефе, именно там, куда вы направляетесь, в Валлову. Я хорошо знаком со здешними местами, потому и предостерег вас по поводу суровых погодных условий».

«А кроме траура по вашему отцу, почему вы решили переселиться в Портланд?».

«По правде говоря, это был не переезд, а скорее возвращение. Моя мать родилась на периферии этого города. Не имея ничего, чтобы ее связывало с Валловой, она решила вернуться сюда. А я последовал за ней, несмотря на то, что у меня была хорошая работа в Джозефе. Я оставил все, собрал чемоданы и приехал сюда к ней. Сейчас ей уже за семьдесят, и она нуждается во мне как никогда. Она все еще весьма самостоятельная для своего возраста женщина, но, как вы можете себе представить, начинает испытывать некоторые трудности бытового характера. Иногда у нее бывают помутнения, и она не помнит даже собственное имя или мое лицо. К счастью такие моменты пока случаются редко, но вынуждают ее оставаться дома.

Она всегда была очень подвижной женщиной, и это ограничение для нее представляется как приговор к заточению. У нее есть сиделка, которая заботиться о ней».

«Вы были в аэропорту, Джон. Откуда вы приехали?», спросила я, может быть позволив себе лишнее.

«Мы с вами были на одном самолете, Катрин, я тоже прилетел из Нью-Йорка. Я ездил в этот город для участия в конференции, я там делал доклад.

«Я не заметила вас Джон».

«По правде говоря, вы и не могли бы меня заметить, настолько вы были погружены в свои мысли. А во время полета, сразу после того, как мы взлетели, вы уснули. А вот я, напротив, вас заметил сразу. Такую женщину как вы трудно не заметить, вы наверняка это знаете». Джон говорил искренне и без ограничений, на его лице постоянно была улыбка. Насколько элегантно-мужчину мне не приходилось встречать ранее. Я посмотрела на него и немного покраснела. Да, я всегда была красивой женщиной. Мой отец всегда это говорил, с тех пор когда я была ребенком, тогда как моя мать больше беспокоилась о других аспектах моей жизни, которые переносили аргумент «красота» на второй план. Много раз мне это говорили мужчины, столько, что я даже начала этому верить. Но я была намного красивее в том теле, которое у меня было в прошлой жизни. Я была элегантной женщиной, моя красота была утонченная, почти что редкая. Но я не могла сказать об этом Джону. Или же пока не могла.

«Я благодарю вас Джон...», произнесла я робко.

«Даже скала рухнет когда показывает, что у нее есть сердце! Значит это правда!», сказал он уверенно.

«Что вы хотите этим сказать?»

«Вы только что меня поблагодарили, Катрина. Вы сами не заметили? Или я ошибаюсь?», сказал он, заговорщицки подмигивая. Я улыбнулась и слегка кивнула. Что бы я не сказала еще в тот момент, оно показалось бы излишним и неуместным.

«Я должна извиниться перед вами Джон. Простите мое неуважительное к вам поведение. Вы так любезны со мной, а я смогла ответить вам только нагрубив. Я некрасиво поступила».

«Я могу принять ваши извинения, но только при одном условии! Вы окажете мне удовольствие, позавтракав со мною завтра утром. Что вы об этом думаете?». Я не знала что ответить, я была смущена. Тут мне пришло в голову, что завтра утром у меня автобус, который должен будет отвезти в Валлову.

«Я бы охотно приняла ваше предложение Джон, но завтра утром мне будет нужно вернуться в аэропорт, где я сяду на автобус на Валлову. Я просто не успеваю», ответила я.

«Вам это не понадобится Катрин. Я сам отвезу вас в Валлову, если вы окажете честь составить мне компанию.

«Нет, Джон, я и так вас уже слишком побеспокоила. Я бы не позволила себе заставлять вас тратить время, чтобы отвезти меня туда, это слишком далеко».

«Я вам кое-что не успел еще сказать, когда говорил о себе, а именно это то, что я работаю в Валлове».

«Что вы говорите? То есть вы снова переехали из Портланда?», спросила я его удивленно.

«Да. Я не чувствовал здесь себя дома. Если бы не моя мать, я бы вообще сюда не вернулся», ответил он, «Я даже не смог найти достойную работу, как та которая у меня была в Джозефе. Я поговорил тогда с матерью и сообщил, что собирался вернуться в Валлову. Я к ней часто бы приезжал в гости. Тогда это было возможно потому, что в те годы она еще чувствовала хорошо, и я мог быть спокоен. После изначального колебания, она приняла мое решение и позволила уехать. Я вернулся в Валлову, в Джозеф. К счастью на мое рабочее место еще никого не нашли, чтобы меня заменить, и мне позволили вернуться. Я живу недалеко от работы, лучше и не могло быть».

«Вы женаты Джон? У вас есть дети?»

«Я разведен и у меня нет детей». Он полностью открывался со мной, каждый мой вопрос находил сразу ответ. Я могла спросить у него что угодно, и он бы без проблем ответил. Я бы так не смогла. Как можно быть настолько прозрачными по отношению к незнакомым людям? Он и я, мы были на первый взгляд очень разными.

«Простите меня Джон, я не хотела своими вопросами вызывать у вас мысли и чувства, которые бы причинили вам боль»

«Конечно же нет, Катрин. Мы с женой до сих пор в хороших отношениях. Просто та любовь, которая нас соединяла раньше закончилась, вот и все. Невозможно продолжать быть с кем-то, если нет любви, правильно?». Правильно, я подумала. Очень правильно. По моему личному опыту прошлых лет, я могла лишь подтвердить, то, что он только что сказал. Меня никогда не бросал никакой мужчина, я всегда сама делала первый шаг к разрыву. Мне было незнакомо то чувство, которое испытывает человек, когда ему говорят, что все закончилось, то ощущение отказа, объясняемое различными причинами. Иногда мы оправдываемся, осознанно принимая на себя вину, понимая, что речь идет не о правде, а лишь о способе быстро прекратить разговор. Я пыталась представить себе, что можно при этом чувствовать, но у меня получалось только сравнить это с внезапной смертью, та огромная боль, которую испытываешь, когда по-настоящему любимый человек говорит тебе «прощай». Я дала ему понять, что согласна с ним и не желала более продолжать эту тему, у меня не было никакого права ни необходимости этого делать.

«Вы нашли, что в Валлове не было никаких изменений как вы вернулись, или же что-то изменилось за ваше отсутствие?»

«Я нашел все таким же, как и оставил. Тем не менее я недолго отсутствовал, всего лишь несколько месяцев. Которые, все же, мне показались вечностью».

«Действительно совсем недолго. Именно потому у вас и получилось сохранить свое старое рабочее место».

«Или потому, что я слишком хорош и они не смогли найти никого, кто бы смог меня превзойти?», произнес он надменно.

«Вы действительно очень скромны, Джон», ответила я ему улыбнувшись от души в первый раз.

«Скромность – это мое достоинство, как элегантность – это ваше, Катрина». Я увидела, как он на меня смотрит пристальным взглядом. Свет неоновой вывески отеля, куда он меня привез, освещал половину его лица, тогда как другая половина оставалась в полной темноте.

«Во сколько завтра утром будем завтракать Джон?», спросила я, отвечая на его пристальный взгляд, которым он меня буравил.

«Вам будет удобно в восемь часов? Приеду я к вам сюда. Позволю себе вам напомнить, оденьтесь в самую теплую одежду. В Валлове завтра будет очень холодно, вот увидите. Конечно же ваши извинения приняты, Катрина», подытожил он.

Я ответила улыбкой и легким и сдержанным кивком головы. Он взял мой чемодан из багажника и донес его до стойки администратора гостиницы, в глубине холла справа. Он даже знал служащего гостиницы, крупного парня по имени Фред.

«Фред, это – госпожа Катрина. Я забронировал комнату на ее имя, проверьте списки. Я обо всем позабочусь завтра утром, когда приеду за ней. Пожалуйста, я бы хотел, чтобы вы с ней особенно хорошо обращались, она моя дорогая подруга!». Потом он повернулся ко мне, продолжая добавил, «Я проверил, были ли свободные комнаты, пока ходил за машиной в аэропорту. Вам здесь будет хорошо Катрина. Я знаю этого парня, и будьте уверены, что если что-то пойдет не так, я с ним разберусь завтра утром. Я правильно говорю, Фред?»

«Вам не о чем беспокоиться мистер Бил. Вот мэм, ключ от вашей комнаты. Я позову вам носильщика, через несколько минут он доставит чемодан в вашу комнату, оставьте пока

его здесь». Я поблагодарила Фреда. Мне даже не пришлось проходить процедуру регистрации, моя комната была уже зарезервирована на имя Джона.

«Спасибо еще раз, Джон, за вашу помощь и за вашу щедрость, вы действительно очень хороший человек, намного лучше, чем я. И еще раз, извините меня за мое поведение как в аэропорту так и в машине.

«Я повторяю, Катрин, ваши извинения уже приняты. Давайте больше не будем об этом говорить, это уже неважно. Постарайтесь лучше хорошо отдохнуть этой ночью, увидимся в холле гостиницы завтра утром в восемь. Позавтракаем здесь в ресторане гостиницы, здесь прекрасно готовят. А потом отправимся в Валлову». Потом, помолчав немного, он добавил. «Кстати, я совсем забыл, что вы еще не ужинали!». Я отрицательно покачала головой, уверяя его в том, что выпью чашку кофе в комнате, так как не привыкла кушать поздно вечером, в особенности перед сном. Я очень устала и не замедлила бы уснуть. Он взял меня за руку и поцеловал мне ее. Прикосновение к моей коже его горячих и мягких губ заставило меня вздрогнуть. Я с трудом смогла обуздать эмоции внутри себя и попрощалась с ним.

«До завтра Катрин».

«До завтра Джон». Он следил за мною взглядом, оставаясь неподвижным все то время, пока не открылись дверцы лифта. Он держал руки в карманах пальто, как будто что-то в них пряча. Я зашла в лифт и нажала кнопку, чтобы подняться на третий этаж. Я только успела помахать ему в последний раз рукой, Джон ответил на приветствие, а потом я, не двигаясь, наблюдала как его изображение исчезает за холодными стальными дверями лифта. Длинный коридор, узкий и темный, вел меня в комнату 315. Пока я шла мимо дверей других комнат, был слышен шум включенных телевизоров, воды из душа и человеческих голосов. Отель был почти что полностью заполненный людьми. Я вошла в комнату, она была очень маленькая с тесной и неудобной ванной комнатой. Я посмотрела в окно. Была видна прекрасная панорама, окружающая город, и, вдалеке, виднелись яркие огни, освещающие полосы аэропорта. Ледяной покров на снежных сугробах блестел на свету и придавал пейзажу нечто сказочное. Я взяла электрический чайник и разогрела воду, чтобы приготовить себе американский кофе. Мне было нужно выпить чего-нибудь горячего, чтобы побороть тот холод, который проник ко мне в кости в этот ледяной вечер. Но вот же самый вечер я встретила мужчину, который смог мне согреть сердце. Телевизионное ток-шоу наполняло комнату словами и я смотрела его без особого интереса, пока пила мой кофе. Мои мысли блуждали там, где я жила и буду жить в Валлове, я спрашивала себя действительно ли существовал тот дом, который я ищу. Конечно, если бы я не нашла его, я бы очень разочаровалась. Мне пришлось бы вернуться домой с пустыми руками, стараясь навсегда зачеркнуть те изображения, которые наполняли мой разум и мои мысли. Я постаралась восстановить в своей памяти образ Джона и почувствовала благодарность ему за то, что он сделал для меня. Только сейчас, когда он ушел, оставив меня одну, я смогла полностью прочувствовать всю мою благодарность ему. Он подобрал совершенно незнакомого человека в аэропорту, предложив свой автомобиль и свою помощь, ничего не требуя взамен. По крайней мере до сир пор. Я спрашивала себя, действительно ли этот мужчина существовал, или же он был плодом моего воображения. Тем не менее эмоции, которые я испытывала, когда он мне целовал руку, были ощутимы физически. Я решила больше не думать об этом. Если я оказалась в комнате этой гостиницы в Портланде, кто-то или что-то меня сюда должен был привести. Может быть я и была сумасшедшей, и даже смирилась с этим, но я не могла развивать свои фантазии, порождая абсурдные мысли и гипотезы. Я разделась, зашла в ванную и зашла в душ, из которого лилась горячая, почти до пара, вода. Взгляд упал на мое изображение в зеркале напротив, запотевшее по краям от горячего пара, порожденного водой душа. Вокруг отражения моего тела появилась некая рамка из пара, и я смогла любоваться моим сложением и упругими грудями, как если бы я любовалась картиной. Я увидела, что я была действительно красивой женщиной. «Да, ты очень красивая женщина, Кэйт», подсказала мне

моя женская гордость, заставляя улыбку появиться на моих губах. Душ смыл остатки усталости дня с моего тела, расслабляя мускулы, пока горячая вода стекала с бедер и повторяла линию спины. Я прикоснулась к себе рукой, тогда как мои мысли были направлены к Джону, мужчину, встреченного тем вечером, и мое тело тут же охватило волной жара, которая заставила меня задрожать от удовольствия. Мое тело хорошо отзывалось на стимулы секса, хотя у меня еще никогда не получалось испытать все глубину удовольствия от близости с мужчиной. Лишь только мне одной была известна та точка, которая позволяла мне дать моему телу то, что оно заслуживало. Я сразу же почувствовала себя расслабленной и удовлетворенной телом и умом, от того, что я себе только что сделала. Я надела пижаму и залезла под одеяло. По телевизору продолжалось ток-шоу со своими диалогами, с криками скандальных участников и смехом публики, пока ведущий безуспешно пытался восстановить порядок в студии. Даже не осознавая этого, я быстро погрузилась в глубокий сон.

ГЛАВА 4

Ублюдок! Да, ты грязный ублюдок! Я подарила тебе свою любовь, а ты взял ее вместе с моим телом. Ты все у меня забрал, даже душу. А сейчас у тебя нету сил принять меня такую как есть, за то, что я тебе дала, ты прячешься за самые подлые отговорки и называешь это «плодом греха»! Я сказала, что ты должен сделать выбор, я больше не собираюсь принимать никого и ничего! Ты должен выбрать между нами двумя, и то будет твоим выбором навсегда. Ты заставляешь меня ненавидеть, ты трус. Ты недостойн моей любви и, если не примешь решения, ты ее больше не получишь! Уходи, прочь! Освободи мои глаза и мою жизнь от своего неудобного присутствия, уходи прочь навсегда. Я не желаю больше тебя видеть, никогда! Я поверила в тебя, а ты меня уничтожил перед моей семьей, перед всеми. А ты, в обмен, растоптал то небольшое, что осталось от моей чести и выбросил те крохи женской гордости, которые я защищала крепко сжав зубы, после того, как выбрала быть тобой. Иди к ней! Уходи... Уходи прочь сейчас же! Ты умер для меня, сейчас и навсегда! Проклятый ублюдок!

В ночи я распахнула глаза, я была липкой от пота. Я чувствовала тепло, охватывающее полностью все мое тело. Посмотрев на будильник, я увидела, что было три часа ночи и несколько минут. Телевизор оставался включенным, передавали концерт рок группы восьмидесятых годов. В комнате царствовали блики мерцающего света от психеделической иллюминации, на которую были направлены телекамеры, обращенные на сцену, где выступали обезумевшие певцы. Музыку иногда прерывал приглушенный звук клаксона автомобилей, проезжавших по дороге мимо гостиницы. Я встала и выглянула из окна, чтобы посмотреть за шторы. Я не ожидала увидеть подобный хаос в столь поздний час, и мне показалось это очень странно, посреди рабочей недели в таком удаленном от центра города квартале.

«Что это за безумие!», сказала я самой себе, закрывая темные шторы на окне, они как будто сопротивлялись передвижению железных креплений по карнизу. Я вернулась в постель и постаралась восстановить прерванный сон. Я продолжала вертеться, как поворачивают сосиску для хот-дога на горячей сковороде, чтобы не сгорела, у меня совсем не получалось уснуть. Я была очень взволнована и даже сама не понимала причину этого моего состояния.

«Проклятье, Кэйт, постарайся уснуть! Завтра будет длинный и тяжелый день!», укорила себя саму, уверенная в том, что слова имеют большую силу, чем мысли. И чем больше я об этом думала, тем больше ощущала нечто неосознанное, что возникало в моем теле и в моем разуме, будто играя со мной. Что делал Джон в этот момент? «Спать» был бы самым очевидным ответом, но менее интересным. Может быть он думал обо мне? Может быть в его кровати была женщина в этот момент? Он мне ничего не сказал о своей семье, я знала только то, что он был разведен. Или же он был любителем дамского внимания, мужчиной, который меняет женщин каждую ночь. Может быть меня представляли как очередную возможную жертву на тот вечер, но у него ничего не получилось! Я слегка заговорщицки улыбнулась, но тут же поняла, что неправда.

«Завтра посмотрим, как все пройдет, а сейчас спи», уверила я саму себя, стараясь расслабиться. Понемногу душливые объятия жары освободили мое тело, позволив моей коже остыть и полностью высушить пот. Я почувствовала себя более спокойной и расслабленной. Мысли об этом мужчины, так или иначе, приносили мне душевное спокойствие. И с такими мыслями в моей голове и с его ярким образом перед глазами, мое тело позволило сну овладеть собой, до тех пор пока дневной свет не стал проникать сквозь шторы, оставшиеся полузакрытыми всю ночь. Луч солнца, похожий на шпагу из света, падал на пол комнаты, рассекая ее от стенки к стенке. Уже давно прошло семь часов утра, и мне надо было привести себя в порядок прежде чем спуститься в холл к завтраку, где бы я снова увидела Джона. Я зашла в ванную и посмотрела на себя в зеркало, сейчас свободным от следов пара, появившегося вчера вечером.

Мои глаза были припухлыми, я бы не представила собой приятного зрелища для него в таком виде, я сразу это поняла. Постаравшись прикрыть это уродство при помощи косметики, я увидела, что конечный результат был действительно неудовлетворительным. Я не могла ничего с этим поделать, у меня так было уже много раз, припухлость прошла бы в течение дня. У меня был некий опыт в этой области. Но почему именно сегодня, черт возьми? Джон бы посмеялся надо мной, он бы подумал о том, какие чудеса с несовершенным видом женщины может творить приглушенный свет. И все же прошлым вечером мои глаза видели меня такой красивой! Я нашла решение проблемы, выбрав глубокий вырез. Я бы использовала свое лучшее оружие, для того, чтобы отвлечь его взгляд от моих глаз и привлечь чем-то более привлекательным для него! В конце концов он был мужчиной и должен оценить тело женщины. Я сжала мои груди своими ладонями, чтобы их сблизить. Действительно неплохо, Кэйт! Я надела кофту из обтягивающего хлопка без лифчика, очень облегающую и с действительно глубоким вырезом. Это была моя единственная кофта розового цвета. Я бросилась в ванную, чтобы осмотреть результат и продумать какие еще изменения я могу внести. «Ты идеальна Кэйт, ты настоящая бомба!» подумала я, гордая тем, что я обладаю таким телом. Я сама уже не смотрела на свои глаза, они уже перешли на второй план. Быстро закончив одеваться, после последнего тщательного осмотра себя в зеркале, я чувствовала себя готовой. Взяв ключи от комнаты, я бросилась в коридор и направилась к лифтам. Дверь автоматически закрылась со щелчком, как только я ее захлопнула за собой снаружи. Лифту понадобилось несколько секунд, чтобы подъехать ко мне на этаж, и когда дверцы открылись, я увидела там довольно некрасивого мужчину, плохо пахнувшего и ужасно толстого, почти жирного. У него была смешная прядь на почти что лысой голове, которую он хотел прикрыть любой ценой. Будь я на его месте, я бы подумала про парик. Все то время пока мы не доехали до холла, он пялился на мою грудь как какой-то маньяк. Это работает, подумала я, и сразу же у меня пропало неприятное ощущение, которое у меня вызвал бы в другой ситуации его настойчивый взгляд. А сейчас я была даже почти благодарно за то, что он подтвердил эффективность моей маленькой хитрости, которую я придумала, чтобы казаться более привлекательной в глазах Джона.

Джон сидел в холле и ждал меня, листая журналы, предоставленные для клиентов и посетителей. Он был элегантен, как и за день до этого. На нем была голубая рубашка с узким черно-золотым галстуком. Поверх рубашки на нем был тот же пиджак, что и вчера. Брюки являлись частью того же костюма, что и пиджак, на них были едва заметные полоски, которые я вчера не заменила. Я быстрым шагом подошла к нему, пока он наблюдал как як нему приближаюсь.

«Здравствуйте Джон. Прощу прощение за опоздание, вы давно ждете?», спросила я смущенно. Тут я внезапно испугалась, что он мог заметить припухлость вокруг глаз.

«Здравствуйте Катрина. Я жду всего несколько минут. Вы хорошо провели ночь? Какие-нибудь проблемы?».

«Все очень хорошо, спасибо. Я вчера вечером почти сразу уснула. Представьте, я была настолько усталая, что даже забыла выключить телевизор. Я спала всю ночь, как дитя, и сегодня утром я чувствую себя вполне отдохнувшей», бесстыдно солгала я.

«Очень хорошо. Странно, тем не менее ваши глаза говорят об обратном. Я думал, что вы плакали. Мне приятно думать, что я ошибаюсь и вы, напротив, хорошо отдохнули».

«Проклятье!», подумала я. Значит моя грудь не произвела ей никакого действия на этого мужчину, как такое было возможно? Он сразу заметил мои глаза, вздутые как теннисные шары. Мне нужно было ему что-то сказать, чтобы успокоить его.

«Мои глаза? О Джон, не обращайтесь внимания. Я всегда так выгляжу утром, когда проснусь. Потом это само пройдет. С чего бы мне плакать? У меня нет на то причин, вы так не думаете?», это было единственное, что я смогла придумать в тот момент.

«Этого я знать не могу. Я действительно счастлив, что у вас все хорошо». Я поняла, что лучше перевести разговор в другое русло.

«Пойдемте завтракать? Я довольно голодна, а вы?»

«Да, пойдемте. Прошу вас», ответил он, указывая жестом руки путь в сторону зала ресторана. Он казался действительно галантным мужчиной. Он был мужчиной, которого я глазами и чувствами воспринимала как «редкого». В ресторане подавали завтрак из блюд интернациональной кухни. Было столько всего, что можно было кормить целую армию в течение дня. Джон взял кофе американо и добавил туда немного холодного молока. Я набросилась на нечто более существенное: разные типы варенья с маслом и хлебом, свежие фрукты, бекон, колбасы и сыры. Все это обильно сопровождалось концентрированным апельсиновым соком. Джон смотрел на меня удивленно.

«Почему вы на меня так смотрите?», спросила я, чувствуя как жар распространяется по моей шее. Мне представилось как румянец покрыл мое лицо в этот момент. Я всегда подсознательно выражала свои эмоции через неконтролируемые рефлексии моего тела. У меня не получалось скрыть многого от людей. Только мой самый большой секрет никогда не вышел за стены нашего дома, если бы не несколько десятков мозгоправов, которые пробовали использовать на мне свою науку благодаря сознательному выбору моей матери.

«Мне приятно, что вы оценили угощение и вам пришла по вкусу здешняя кухня. Это типично для итальянцев, вы знаете?» он просил у меня улыбаясь. Он явно смеялся надо мной.

«Что вы хотите этим сказать? Я вчера вечером осталась голодной, я выпила лишь кофе, а потом легла спать. Это – чисто физически нормально для человека хотеть кушать! Причем тут итальянцы?» Он хотел войны? Я была готова сражаться с ним его же оружием! Моя вилка с куском колбасы так и замерла в воздухе на полпути ко рту. Я даже не знала поднести ее ко рту или положить обратно в тарелку.

«Вчера вечером, когда я спросил у вас поужинали ли вы, вы мне ответили, что не приехали кушать перед сном. Я принял это к сведению ваши слова и не позволил себе больше настаивать, чтобы предложить вам перекусить. Я прошу прощения, мне надо было последовать своему инстинкту. Что же касается итальянцев, вам знакомы те группы туристов, что отправляются из крупных городов на каникулы подальше от дома и покупают путевки по системе «все включено»? У них даже крошка со стола не упадет. Оправдываясь тем, что уже за все заплачено они объедаются как свиньи и толстеют до неузнаваемости».

Я не смогла сдержать смех, а потом снова начала с аппетитом кушать. Мне было весело с ним, я чувствовала хорошо в его компании. Я начала размышлять о том, стоит ли поделиться с ним моей ситуацией и с основной целью моего визита. В любом случае я бы не стала требовать от него помощи. Ну и не стала бы отказываться, в том случае если бы он сам добровольно предложил мне помочь.

«А вы откуда знаете как ведут себя итальянцы? Они не все одинаковы. Как по мне, дорогой Джон, у вас сложился стереотип итальянца грубияна, шумного и неотесанного, поедающего пиццу и спагетти, играющего на мандолине и готового в любой момент обвести вокруг пальца ближнего своего. Я правильно говорю?», подзадорила я его, а потом нанесла заключительный удар, «Итальянцы еще очень хорошие любовники, вам это известно?». Я рассмеялась, а он поставил на стол уже пустую чашку и строго на меня посмотрел.

«Что вы думаете о том, что вы выпишутесь из гостиницы и мы уже поедем? Дорога будет длинная. Как я вижу, у вас нет с собой чемодана», ответил он, явно смутившись моим последним замечанием, которое явно достигло цели.

«Да Джон, итальянцы умеют очень хорошо заниматься любовью! Всегда помните это. Я пойду возьму мой чемодан, увидимся через несколько минут, если конечно же не встречу какого-нибудь итальянца в лифте», воскликнула я подмигивая, как бы это сделала дерзкая девчонка, желающая насолить свою противнику.

«Катрина!», позвал он меня, «Вам надо надеть что-нибудь теплое, более подходящее и удобное прежде чем выходить на улицу. В Валлове очень холодно, особенно сейчас, я бы не

хотел, чтобы вы простудились. Он еще раз победил. Своим самообладанием, любезностью и серьезностью он смог буквально увлечь меня за собой. Теперь я следовала за ним и делала это с удовольствием и благодарностью. Он заботился обо мне, чтобы я не простудилась, несмотря на мои глупые шутки дрянной девчонки, которые, похоже, действительно задели. Мне нужно было исправить мою ошибку. «Но ведь я сделала это все для вас, Джон!», я чуть было не сказала, но смогла вовремя сдержаться от очередной ошибки. На сегодня я уже достаточно их совершила. Еще я прекрасно знала, что сделала это скорее для самой себя, чтобы спрятать свой недостаток. Не было ничего альтруистического в моем жесте. Кивком головы я догадалась, что его совет был принят и вошла в лифт. Джон подошел ко мне и, прежде чем двери закрылись, он посмотрел на меня с игривым выражением лица.

«Я не вижу итальянцев в лифте Катрина. Хорошо, можете подниматься». Я рассмеялась и не смогла совладать со смехом до тех пор, пока не вошла в свою комнату.

Я надела шерстяной свитер с высоким воротом, взяла багаж и вернулась в холл. Джон дожидался меня у двери лифта. Я остановилась, чтобы надеть пальто, которое, как всегда, несла на руке наперевес. Джон, ничего не говоря, взял мой чемодан и направился к выходу, показывая мне выход из отеля.

«Подождите, я должна оплатить счет за комнату».

«Я уже все сделал, не беспокойтесь. Мы можем идти, следуйте за мной».

«Вы уверены, Джон?».

«Вы спрашиваете меня, уверен ли я в том, что заплатил? Конечно, моя кредитка еще теплая», ответил он улыбаясь.

«Нет. Я хотела сказать, уверены ли вы в том, что делаете. Мы ведь совсем незнакомы, вы не думаете?».

«Неправда! Мы познакомились с вами вчера в аэропорту, ехали вместе в машине, позавтракали вместе сегодня утром, и вы чуть было только что мне не показали целиком свою грудь. Вы все еще думаете, что мы с вами незнакомцы?».

Его простота обезоруживала как и его способность дать мне почувствовать себя по настоящему важной! Я была настолько подвластна ему, что даже не смогла ему ответить, разве что уже в машине, после того как я села в еще холодную машину.

«Да, мы незнакомы. Вот видите, мы обращаемся друг с другом, прибегая к холодному «вы»?», сказала я ему, надеясь отворить дверь к взаимному доверию между нами. Мои надежды были тут же оправданы.

«Правильно, я тоже об этом думал, пока ждал вас у лифта. Что вы скажете о том, чтобы разбить эту стену между нами и начать обращаться друг к другу на «ты»?».

«Хорошо, с удовольствием», ответила я, мне действительно было это очень приятно избавиться от принуждений в общении.

Джон смотрел мне прямо в глаза, разговаривая со мной серьезно, как бы я смогла отвлечь его другими способами? Мне все больше и больше казалось, что я очень давно знаю этого человека.

«Машина еще холодная, но скоро здесь будет комфортнее. Вы не возражаете если я включу кондиционер, мы так быстрее согреемся?».

«Нет, конечно, делай как считаешь нужным».

«Хорошо, как я вижу, припухлость на глазах действительно проходит. Сейчас они вновь стали прекрасны, как вчера вечером».

Я тихо улыбнулась ему, продолжая рассматривать его мягкие черты лица, а он, тем временем, внимательно глядя на дорогу, продолжал вести автомобиль по главной трассе. Мы немного помолчали, пока радио постоянно передавало классическую музыку. Мы проехали весь город, Портланд был очень динамичным городом, его дороги и тротуары были полны людьми, которые все быстро куда-то и зачем-то быстро шли. Мы пересекли мост на реке Вил-

ламетте, которая была особенно прекрасной, будучи покрытой снегом. Я смотрела из окна машины и выхватывала взглядом виды пейзажей, стараясь понять была ли я здесь в прошлой жизни. Нет, здесь мне все было вновь, и поэтому я еще больше это все оценила.

«Ну что, вам нравится Портланд?».

«Город действительно прекрасен, и снег делает его волшебным. Он намного спокойнее, чем Нью-Йорк, и все здесь есть. Мне кажется, что он ему ни в чем не уступает».

«Это таинственный город. Это прекрасный город. Но когда живешь здесь давно, он начинает давить на тебя, как это случается с большинством крупных городов. Валлова же, напротив, находится на лоне природе. Увидишь, какая разница, Кэйт! Там прекрасное озеро между гор, весной все цветет, вокруг все покрыто зеленью и деревьями. Прекрасное место Кэйт!», ответил он мне, «Как жаль, что вы сможете увидеть его только покрытым снегом».

«Ну, снег придает особое очарование, вы так не думаете?», продолжил он. «Я уже его видела», хотела я закричать. Но смогла сдержаться. Разговаривая о том и о сем, мы добрались до окраины города, за которой открывалась деревня. Температура внутри машины стала действительно приятной, поэтому я решила снять пальто и положить его на заднее сиденья. Так мне было удобнее двигаться, я чувствовала себя более комфортно, несмотря на высокий ворот моего свитера, носить который я не привыкла и который мне немного мешал. Когда я нагнулась, чтобы положить пальто, Джон повернулся и посмотрел на меня. Наши глаза встретились, и в этот момент я поняла насколько красив и глубок его взгляд. Несмотря на то, что я заметила это еще в аэропорту, но только сейчас смогла оценить насколько насыщенно зелеными были его глаза. Может быть из-за того, что я безумна, в тот момент мне сильно захотелось его поцеловать. Да, а почему бы мне этого не сделать? В конце концов, все мы – люди из плоти и крови. Почему бы не испытать радости жизни, раз уж она так коротка? Я любила одного мужчину в моей прошлой жизни, я об этом точно знаю благодаря тем милым образам, которые храню внутри себя. Почему же в этой жизни я до сих пор еще не сумела встретить любимого человека? Джон не был мне безразличен, и, наверное, я для него тоже. Может быть я во всем ошибаюсь? Может слишком тороплюсь? Может я опять упаду в пропасть, как это уже было в прошлом? Я задавала себе слишком много вопросов, на которые у меня не получалось ответить. Я слегка улыбнулась в ответ на его взгляд. Джон тоже улыбнулся. Между нами было взаимопонимание, от которого мне было спокойно. И пока что мне этого было достаточно.

ГЛАВА 5

Бесконечный снежный ковер занимал пространство вдоль дороги, тут и там на нем виднелись следы детей, играющих на заснеженных полях, было полно снеговиков и маленьких иглу. Джон был молчалив и внимательно вел машину. Он обратил мое внимание, что из-за ледяной корки на дороге, помимо явно перегруженной машинами трассы, нам понадобится намного больше времени, чтобы добраться к цели нашего пути. По всей видимости та сотрудница аэропорта хорошо знала здешние места, и была права, когда говорила, что переезд займет у меня восемь часов.

Я спросила Джона знает ли он другую дорогу, для того чтобы слегка ускорить наш приезд в Валлову.

«Кэйт, я эту дорогу знаю почти что на память, я смог бы вести автомобиль даже с закрытыми глазами. К сожалению, у нас не выбора. Мы бы могли сойти с основной трассы и поехать деревенской дорогой, но мы очень отдалимся от основноного пути и нам придется все равно туда возвращаться. Тем более я не думаю, что другие дороги будут расчищены от снега и льда, и это рискует нас еще больше задержать. Нам понадобится еще больше времени, лучше уж ехать так. Ты очень торопишься?» «Нет, я не тороплюсь. Мне просто нужно много что сделать в тех краях, и я хотела бы начать как можно раньше, не теряя времени», ответила я. Мне было необходимо поговорить с ним подробно о себе.

«Это что-то действительно важное? Вопрос жизни или смерти?», спросил он улыбаясь и поворачиваясь, чтобы посмотреть мне в глаза и уличить меня в возможной лжи. Он в первый раз сделал это с тех пор как мы выехали.

«Я бы сказала «вопрос жизни и смерти», и то и другое. Поверь мне, это не игра слов». Я уже решила, что если он меня еще спросит об этом, я ему все выложу. После смерти моей матери, я пообещала самой себе, что никому не расскажу о моих мыслях, но у меня явно не получалось сдержать самой себе данное слово. Я приняла это и решила открыться ему во всем постепенно.

«Объясни-ка мне получше, я тебя не понимаю», спросил он. Мой ответ явно возбудил его любопытство. На его лице было уже совсем другое выражение, похоже, что он начинал беспокоиться.

«Давай оставим этот разговор», я повернулась к нему, чтобы посмотреть ему в глаза, «иначе, если я тебе расскажу, ты сочтешь меня несчастной безумицей». Эти слова только подзадоривали его любопытство.

«Ты бежишь от кого-то и от чего-то?»

«Нет, напротив. Я еду к кому-то».

«Речь идет о мужчине? Прости Кэйт, я не хотел вмешиваться в вопросы личного характера».

«Никогих мужчин, скорее речь идет о женщине».

Он весело посмотрел на меня, но не отступал. Я подумала, что может он принял это за нечто касающееся моей интимной сферы.

«Я думаю, что ты неправильно понял то, что я имела ввиду, Джон», предупредила его я, «Это не вопрос отношений или секса».

«А что же я был должен понять? Объясни получше, если можешь».

«Я не гомосексуальна».

«Знаешь, а я и не сомневался в этом?»

«Ты уверен? Ты только что так странно посмотрел на меня»

«С таким глубоким вырезом, который ты мне продемонстрировала сегодня утром и твои шуточки по поводу умения итальянцев заниматься любовью, ты мне что, хотела дать понять о

своей гомосексуальности? Мне так совсем не показалось! Ну может быть я был не в состоянии понять», ответил он гордо.

Меня веселил наш диалог, я хотела подзадорить его еще больше, прежде чем рассказать о моей прошлой жизни.

«Не делай так как те, кто притворяются дурачками, чтобы не воевать, дорогой Джон!», воскликнула я.

Он ответил вопрошающим выражением лица, ничего не говоря.

«Ты действительно никогда не слышал насколько итальянцы хороши в постели? Я бы не хотела ранить твою мужскую гордость, но думаю задуматься тебе об этом стоит, или я ошибаюсь?».

Лицо Джона вдруг посерьезнело, точь в точь как утром или даже еще больше.

Тем самым я получила подттверждение, что аргумент для него был очевидно деликатным. Я сразу же поняла все, слушая его откровения.

«Моя жена меня бросила ради итальянца. Все, что между ними произошло, началось как просто отношения ради секса, еще много лет до того как мы с ней расстались. Потом это все переросло в любовь и закончилось беременностью. Его звали Антонио, это был парень из Авеллино, города на юге Италии, о котором ты наверняка слышала».

Я кивнула головой, намереваясь поддерживать его пока он открывается мне. Он тоже очевидно хотел освободиться от той боли, которую так давно носил в своем сердце.

«Он был моложе моей жены примерно на десять лет».

«Теперь мне все стало ясно Джон. Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени?», спросила я как можно деликатнее.

«Их отношения стали очень трудными. Он хотел вернуться в Италию и увезти ее с собой, а моя жена не хотела. Он оставил ее после того как узнал, что она ждет от него ребенка, спустя несколько месяцев после зачатия».

«А ты откуда узнал обо всем этом? Ты продолжал общаться с женой, пока они встречались?».

«Конечно же нет. Но люди меня информировали».

«Но ты же причинял себе боль, желая разузнать о ней и об этом человеке, Джон».

«Да, но я ее любил и не мог смириться с мыслью, что ее потерял».

Я поняла состояние его души; этот человек был действительно влюблен и испытал сильное разочарование. То, что жена ему изменила, чтобы потом бросить или же, что она умерла, для него не было никакой разницы. Это была бы та же самая боль, той же самой силы.

«Но вы ведь остались в добрых отношениях, правильно?».

«Правильно. Она вернулась ко мне, прося меня начать все заново, начать жить снова как пара. Я много раз закрывал у нее дверь перед носом, особенно в первое время я не мог даже смотреть ей в глаза. Я видел ее как женщину грязную внутри и снаружи. Не столько за ее неверность, сколько за ее наглость, когда она в слезах умоляла ее простить».

Потом, в один вечер я позволил ей войти в дом, для того чтобы позволить ей поговорить, и она мне рассказала все в деталях, не пытаясь защищаться. Она рассказала мне во всех подробностях как все было между ними. Она забеременела по ошибке. На ее счастье, подумал я в тот момент, учитывая с каким мужчиной она связалась». Он сделал паузу, во время которой царил полная тишина. Никто из нас не мог сказать и слова.

«Это так. Может быть я ограниченный человек с опасным и закрытым складом ума. Но я действительно не смог принять тот факт, что эта женщина, моя жена, ждала ребенка от другого».

«А сейчас ребенок с ней?».

«Этот ребенок так и не родился. Сара тайно сделала аборт после того как ее просил Антонил, до того как сказала мне о своем решении».

«Получается, что она сделала все возможное, чтобы вернуть тебя Джон. Даже решилась на аборт. Для женщины это отнюдь непростое решение. Если ты еще испытывал к ней что-то, почему ты не позволил ей вернуться и стать частью твоей жизни?». За этим последовала еще одна длительная пауза, затем Джон отрицательно качнул головой в заключение нашего разговора.

«Теперь ты понимаешь, почему я так не люблю жителей Италии».

«Ну нельзя же обобщать. Не все все люди одинаковы, в независимости от их национальности, культуры или вероисповедания». Он мне не ответил, а я сразу поняла, что он не разделяет мои убеждения.

«Прости за то, что я сказала сегодня утром»

«Это отражало твои мысли, которые я уважаю, но не разделяю и ничего более, Кэйт», ответил он, даря мне улыбку. Его лицо опять просветлело и стало спокойнее. Может быть именно то, что он смог выговориться, нас сблизило, дов нам лучше понять друг друга.

Теперь наступил мой черед говорить, чтобы открыться этому человеку, которому я мгновение за мгновением начинала доверять, чувствую что знаю его все лучше и лучше.

Я говорю с тобой и надеюсь, что ты меня слышишь, где бы ты не был. Твой секрет, он и мой тоже. Я сжимаю тебя в объятьях, когда ты со мной и задерживаю в моих мыслях, когда ты далеко. Сделай выбор провести со мной всю жизнь, любовь моя, проводи со мною дни, делись со мною радостями, и я буду делиться с тобой моими. Сегодня, гуляя по берегу озера, я опять увидела те цветы, что ты мне принес в тот дождливый день, возвращая мне улыбку и вырывая из моего сердца ту грусть, которая так давно в нем жила. Я знаю где они родились и выросли. Я также знаю, что ты был там и ждал, пока они вырастут сильными и красивыми, чтобы преподнести мне их. Я всего лишь бедная грешница, я грешу ради любви, которой не могу поделиться ни с кем в этом мире, значит я грешу просто так. Жестокая шутка, не правда ли? Я плачу за вину, которую перед глазами других я не совершала и не выдавала, я трачу жизнь и чувства день за днем, надеюсь, что ты однажды ко мне вернешься. Вечером я смотрю в окно моей комнаты и обнимаю луну, произнося вслух твое имя, поскольку хочу его услышать не только сердцем, но и ушами. Ее слабый свет нежно входит в мою комнату, точно также, как тыходишь в меня, разогревая мне сердце и тело своим присутствием. Я поворачиваюсь в кровати, но она пуста и, я чувствую как мне тебя не хватает. Когда ты ко мне приходишь, я снимаю все с себя и чувствую себя настоящей женщиной. Я чувствую, как изголодалась по тебе, но это жадность любви, которой я достойна, ты удовлетворяешь другой женщине, которая тебе была обещана на все жизнь перед Господом.

Скажи, как это, заниматься с ней любовью? О чем ты думаешь, когда отдаешь ей свое тело, зная, что у она не испытывает ни в чем нужды и не понимает, что за счастье – иметь тебя рядом? А мой дух, тем временем, испытывает муки голода, которые ведут его к смерти. Вернись любовь моя, я жду тебя и всегда буду ждать.

ГЛАВА 6

Наш путь продолжался за разговорами на различные темы, часто прерываемые длинными паузами и остановками на заправочных станциях. Каждый из нас думал о чем-то своем, видимо стараясь собраться с мыслями, прежде, чем другой что-либо предпримет. Мы уже были совсем недалеко до Джозефа, а я еще ничего толком не рассказала ему о себе, ничего достойного внимания и чтобы помогло ему действительно меня лучше понять. Мне было необходимо это сделать, я не могла больше ждать. Иначе было бы уже бесполезно потом говорить, такие разговоры, раз уже начала, надо доводить до конца. Я будто бы прыгнула в пустоту, надеясь, что он подхватит меня в свои объятия и не даст мне упасть на землю.

«Джон, помнишь я тебе говорила, что приехала сюда, чтобы встретиться с одной женщиной?», с явным смущением спросила я.

«Да, конечно, я помню. Мы мы сошлись во мнения, что ты не гомосексуальна. Значит твой визит связан с чем-то действительно очень важным. Ты хочешь мне рассказать об этом? Кто эта женщина, имеющая столь важную роль в твоей жизни?»

Он смотрел на меня, ожидая ответа. Наконец-то я смогла выговориться, рассказав то, что так тщательно скрывала внутри себя вот уже столько лет. Я ждала именно этого момента.

«Если я скажу тебе, что та женщина, которую я ищу – это я сама, ты мне поверишь?».

«Я тебе поверю. Ты хочешь мне сказать, что находишься в поиске себя самой, своей жизни, своих надежд...».

«Нет Джон», прервала я его прежде чем он успел закончить фразу, «Речь идет не о том. Я ищу именно «себя саму», ту что жила здесь много лет назад. «Себя саму» из моей прошлой жизни, Джон».

Я посмотрела на него и увидела, как он пристально смотрит мне в глаза, безрассудно отвлекаясь от вождения машины. Я пальцем указала ему на дорогу, но было видно, что мое заявление его сильно поразило.

«Позволь мне найти заправочную станцию, чтобы мы смогли спокойно поговорить. Прости, но я хочу лучше разобраться в том, что ты мне говоришь».

Он вел машину еще несколько километров, ничего не говоря. Может быть он начинал думать о том, что посадил в машину сумасшедшую. Мы нашли заправку с довольно большой территорией вокруг, где бы мы смогли остановиться ничем не рискуя. Он припарковался, выключил мотор и сделал потише радио. Атмосфера вокруг стала ледяной, но не из-за зимнего холода.

«Объясни-ка мне получше как обстоят дела, Кэйт, а то я не уверен, что понял».

«Я не сумасшедшая, Джон, я не сумасшедшая! Иногда мне хочется, узнать о том, что безумна, по крайней мере тогда я бы знала откуда происходят все эти ощущения, которые я никогда не испытывала, эти образы, которые заполняют мой ум и эти слова, которые эхом настойчиво отдаются в моих ушах, но которые я никогда не слышала», ответила я плача и размахивая руками. Джон был безучастен и смотрел на меня как на приближающегося к нему инопланетянина.

«Джон, послушай меня. У меня уже была жизнь, много лет назад. Не знаю точно, сколько лет назад это было, может пятьдесят или сто, а может и больше. Я жила в Валлове, Джон, в доме на берегу озера, в доме, покрашенном в красный цвет снаружи и цвета натурального дерева внутри. Я помню, что была влюблена в мужчину, я любила его безумно». Я дрожжала пока говорила, и мой голос не мог выдать те чувства, которые мое тело так хотело выразить. Джон заметил это, взял меня за руки, и сжал их.

«Сейчас успокойся, Кэйт. Ты слишком взволнована. Сделай глубокий вдох и расслабься. Мы позже поговорим об этом, когда ты успокоишься. Хорошо?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.